

Содержание

Пролог. Кэл	6
Глава 1. Кэл	9
Глава 2. Елена	18
Глава 3. Кэл.	28
Глава 4. Елена	39
Глава 5. Кэл	50
Глава 6. Елена	63
Глава 7. Кэл	72
Глава 8. Елена	83
Глава 9. Кэл	95
Глава 10. Елена	105
Глава 11. Кэл	116
Глава 12. Елена	125
Глава 13. Кэл	134
Глава 14. Елена	144
Глава 15. Кэл	154
Глава 16. Елена	160
Глава 17. Кэл	166
Глава 18. Елена	174
Глава 19. Кэл	186
Глава 20. Елена	196

Глава 21. Кэл	206
Глава 22. Елена	220
Глава 23. Кэл	231
Глава 24. Елена	238
Глава 25. Кэл	250
Глава 26. Елена	261
Глава 27. Кэл	272
Глава 28. Елена	281
Глава 29. Кэл	291
Глава 30. Елена	297
Глава 31. Кэл	306
Глава 32. Елена	315
Глава 33. Елена	327
Глава 34. Кэл	335
Глава 35. Кэл	344
Глава 36. Елена	365
Глава 37. Кэл	375
Глава 38. Елена	385
Глава 39. Кэл	401
Эпилог. Елена.	410

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

История Кэла и Елены — это мрачный современный роман, *частично* основанный на сюжете и персонажах мифа об Аиде и Персефоне.

Учтите, что это не фэнтези, не исторический роман и не прямой пересказ легенды.

Это темный любовный роман, а значит, в книге много сцен насилия, откровенных сексуальных сцен и т. д.

Если вам не нравится подобный жанр, не советую читать эту книгу.

«Обещания и гранаты» — это самостоятельный роман, однако в сюжете будут моменты, которые не раскрываются в книге, но упоминаются в других романах серии.

И хотя это отдельный роман, возможно, вам будет интересно прочитать приквел (хотя это вовсе не обязательно).

Надеюсь, вам понравится романтическая история Кэла и Елены.

Не рекомендуется к прочтению детям и людям с неустойчивой психикой.

Пролог

Кэл

Еще ребенком я привык к тишине. Такой, которая царит в больничных палатах, скрывающаяся за унылым, ритмичным пиканьем электронных мониторов и монотонными капельницами.

Если же эта тишина нарушалась — когда приходили медсестры, чтобы взять кровь на анализ, или заглядывали члены семьи со своей фальшивой моральной поддержкой, — все мое существо начинало скупать по ней.

Я влюбился в ее бесконечную безмятежность, умиротворение, которое она дарит, секреты, которые можно утаить в ее глубинах.

Я научился находить ее в полном хаосе, питаться ее энергией.

В конце концов, тишина стала необходимостью.

Самой тяжелой зависимостью, которую сложно контролировать.

Наваждением.

Болезнью...

Сверстники в колледже, а позднее и коллеги, называли это психическим расстройством. Говорили, что в моем мозге происходило короткое замыкание при определенном возбудителе. Причем иногда об этом возбудителе было достаточно просто подумать.

Я понимал, что это делало меня уязвимым.

Ни на что не годным.

Поэтому мне была необходима какая-то отдушина. Место, куда я мог бы прийти и не потеряться в нехватке отсутствия звуков. Место, где жестокость, зашитая в моей ДНК, могла быть удовлетворена, а те части моей души, что жаждут смерти и разрушения, — насытились.

Работа на Рафаэля Риччи, главу бостонской — в свое время — главной криминальной семьи, должна была быть временной. Он подобрал меня с улицы и пообещал роскошную жизнь, если взамен я соглашусь немного замарать руки.

Но, как и многое остальное, все вышло из-под контроля.

Я научился наслаждаться привкусом жестокости на языке.

Люблю, как она расцветает, словно цветок, пробивающийся из-под земли, разжигающий непреодолимое желание, как ничто другое.

Отчаяние облегчалось, только когда я чувствовал биение чужого сердца под кончиками пальцев — такой изысканный и такой глубоко человеческий трепет, который прекращается и умирает по моей воле.

Это желание могли утолить только окровавленные руки и искалеченные ими тела — моими руками, теми, которые поклялись исцелять.

Я позволил самым темным желаниям жить внутри меня. Проявляться через мои обязательства перед организацией, к которой я присоединился, не успев ничего понять. И я прощал себе это, потому что моя основная работа вполне прилична.

Этого должно было быть достаточно.

Я никогда не задумывался о потакании собственным слабостям, пока они не начали кроветочить так сильно, что разница между ними стала очевидна.

Пока не встретил Елену.

Самый запретный из всех плодов.

Персефона для моего Аида, как говорили некоторые. Весенняя пора в мире, где царит смерть и разрушение.

Девушка, которую я презирал, пока не понял, что ослеплен новым наваждением.

Пока не вкусил освежающий аромат ее бархатистой кожи, сладость ее возбуждения, поблескивавшего на кончиках ее собственных пальцев, солоноватость ее слез, когда я вдребезги разбивал остатки ее невинности.

Знает она это или нет, но она подарила мне себя той ночью.

Отдала свою душу под прикрытием *выбора*.

И хотя я ушел, как это обычно делает Смерть, — безмолвно и до рассвета, — у меня и мысли не было исчезнуть навсегда и отказаться от нее насовсем.

Глава 1

Кэл

Ш^{-ш-р.}
Ш-ш-р.
Ш-ш-р.

Сжимая зубы до боли в челюсти, я прожигаю взглядом своего босса, пока он пьет горячий чай из кружки и смотрит видео на своем компьютере.

Его прихлебывание действует мне на нервы, как визг тупого ножа по тарелке. К тому времени, как он придвинул в мою сторону лист бумаги, поставил кружку на стол и снял очки, я уже представил все возможные способы, которыми мог бы его прикончить.

Самым простым и эффективным была бы передозировка инсулином, особенно учитывая тот факт, что он хранит глюкометр и шприцы в верхнем выдвижном ящике своего стола, совсем без защиты.

Хотя, полагаю, большинство людей в нашем мире не стали бы тратить время на изучение изощренных методов убийства. Им подавай быстрые решения да

сброшенные в реку тела; им плевать, смогут ли отследить их преступление, потому что они все равно подкупили местную полицию.

Им главное — удержать свою власть.

Свой *авторитет*.

И передозировка — это слишком скучно.

Это не то же самое, что вонзить нож в грудь, пробить и сломать грудную клетку, вырезать еще бьющееся сердце, пока жизнь кровью сочится из глаз твоей жертвы.

Есть что-то магическое в том, что чья-то жизнь находится в твоих руках. Эдакая симметрия, встречающаяся в природе, когда у тебя есть выбор — зверски лишить жизни живое существо или исцелить его.

Они полностью в твоей власти.

Власти, которую люди, подобные Рафаэлю Риччи, даже не могут себе представить. Поэтому у него есть я.

Наконец, потеряв ладонью гладковыбритый подборок, Раф снимает очки с носа, откидывается в своем кожаном кресле и поднимает на меня взгляд. Он пристально меня изучает, а его темные глаза пусты. Ни намека на то, что творится в его голове.

Закинув ногу на ногу, я сжимаю колено рукой в перчатке и жду. После почти двадцати лет совместной работы, уверен, он понимает, что я не просто болезнь, которая может выйти с потом.

Если он хочет сидеть в тишине, пока один из нас ее не нарушит, я подыграю.

На кону всего лишь жизнь его дочери.

Раф щелчком пальцев приказывает двум здоровым охранникам выйти из кабинета, массивное золотое кольцо на его большом пальце поблескивает на свету.